

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-3-0-3

Прюво Жан¹
Седых А.П.²
Бузинова Л.М.³

**ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ:
СИНТЕЗ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ**

¹⁾ университет Сержи-Понтуаз, Франция
E-mail: pruvost.jean0943@orange.fr

²⁾ ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» ул. Победы, 85, Белгород, 308015 Россия
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

³⁾ Международный университет в Москве
E-mail: rluda@mail.ru

Статья поступила 20 июля 2018 г.; Принята 30 августа 2018 г.; Опубликовано 30 сентября 2018 г.

Аннотация: Статья рассматривает теоретические и эпистемологические обоснования функционирования текстологических категорий: текста, контекста, интертекста. Рассматриваются традиционные и современные трактовки данных понятий в языкознании. Выдвигается гипотеза о центральной роли смыслопорождающего синтеза текста, контекста, интертекста в русле коммуникативных установок автора и реципиента текстового продукта. Намечаются перспективы исследования гипертекстовых структур. **Введение и теоретические обоснования.** Текстологические категории текста, контекста и интертекста описываются как многоуровневые феномены коммуникативного смыслопорождения. Текстовый хронотоп, формируемый как автором текста, так и его потребителем реализует свои смыслоформирующий потенциал в зависимости от семиотических объёмов высказывания от отдельного фрагмента, до единого целостного текстового продукта. Эпистемологическим основанием для расшифровки механизмов смыслопорождения выступает структура языкового знака, которая отличается двойственной природой. Как целостно оформленный конструкт любой текст является семиотической системой, с перманентно меняющимися содержательными параметрами. Контекстный формат высказывания коррелирует с интертекстовыми построениями, в рамках которых могут быть выделены адекватные семантико-смысловые компоненты. **Основная часть.** Показано, что синтезирующие механизмы смыслоформирования на уровне авторских интенций и смыслопорождения на уровне реципиента текста базируются на принципах многозначности и полисемичности, а номинативные механизмы подкрепляют смысловые конфигурации высказывания-текста. Предлагается учитывать предметно-пропозитивные структуры для анализа композиционно-речевых фрагментов текстового пространства. Рассматриваются смысловые парадигмы текстового означивания, обусловленные как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: дейктикой, просодикой, взаимопроникновением частей текста, импликации и пресуппозиции, а также

иллокуции и прагматики. На первое место выдвигается важность коммуникативного события, как одного из важнейших сторон функционирования текстового продукта. Подчёркивается важность интертекстовой компетенции реципиента текста. **Заключение.** Делаются выводы о контекстной и интертекстуальной обусловленности процесса семиотического смыслопорождения. Центральным элементом и главной операциональной сущностью рассматриваемого процесса выступает формат синтезирования смысла на основе многоуровневых подходов к текстовым контентам. Утверждается, что идеальным объектом и субъектом смыслопорождающих механизмов является художественный дискурс, который предоставляет широкое поле для интерпретации семантики языковых единиц. В русле выдвигаемой гипотезы проецируются векторы будущих исследований в русле текстологической значимости гипертекстовых конструкций, которые позволят расширить эпистемологический диапазон аналитической лингвистики.

Ключевые слова: текстология, семиотика, текстовый хронотоп, контекст, интертекст, смыслопорождение, интерпретация, авторский дискурс, гипертекст.

Pruvost Jean¹
Arkady P. Sedykh²
Lyudmila M. Buzinova³

**TEXT, CONTEXT, INTERTEXT:
SYNTHESIS OF SENSE GENERATION**

¹⁾ University of Cergy-Pontoise, France
E-mail: pruvost.jean0943@orange.fr

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

³⁾ International University in Moscow
E-mail: rluda@mail.ru

Received 20 July 2018; Accepted 30 August 2018; Published 30 September 2018

Abstract: The article considers theoretical and epistemological substantiations of the functioning of textual categories: text, context, and intertext. Traditional and modern interpretations of these concepts in linguistics are considered. A hypothesis is advanced about the central role of the meaning-generating synthesis of text, context, intertext in the channel of communicative attitudes of the author and recipient of the text product. Prospects for research of hypertext structures are outlined. **Introduction and theoretical justification.** Textual categories of text, context and intertext are described as multi-level phenomena of communicative meaning. The text chronotope formed both by the author of the text and by its consumer, realizes its meaningful potential, depending on the semiotic volume of the utterance from a single fragment, to a single whole text product. An epistemological basis for deciphering the mechanisms of meaningfulness is the structure of a linguistic sign, which is characterized by a dual nature. As an

integrally designed construct, any text is a semiotic system, with permanently changing content parameters. Context format of the statement correlates with intertextual constructions, within which adequate semantic and semantic components can be isolated. **Main part.** It is shown that the synthesizing mechanisms of the sense formation at the level of author's intentions and meaningfulness at the level of the recipient of the text are based on the principles of polysemy and polysemy, and nominative mechanisms support the semantic configurations of the utterance-text. It is suggested to take into account the subject-pro-positional structures for analysis of compositional-speech fragments of the text space. The semantic paradigms of textual attribution, conditioned by both intralinguistic and extralinguistic factors: deicticism, prosody, interpenetration of parts of the text, implication and presupposition, as well as illocution and pragmatics are considered. The importance of a communicative event, as one of the most important aspects of the functioning of a text product, is put on the first place. The importance of the intertextual competence of the recipient of the text is underlined. **Conclusion.** Conclusions are drawn about the contextual and intertextual conditioning of the process of semiotic meaning creation. The central element and the main operational essence of the process under consideration is the format of synthesizing the meaning on the basis of multilevel approaches to textual content. It is argued that the ideal object and subject of meaning-generating mechanisms is artistic discourse, which provides a wide field for interpreting the semantics of linguistic units. In line with the hypothesis put forward, vectors of future research are projected in the mainstream of the textual significance of hypertext structures that will expand the epistemological range of analytical linguistics.

Key words: textology; semiotics; text chronotope; context; intertext; meaningfulness; interpretation; author's discourse; hypertext.

Текстология как отрасль филологии, изучающая тексты новой и новейшей литературы, переживает в настоящее время период своего «второго рождения», как в эпистемологическом плане, так и в том, что касается повышения исследовательского интереса к способам интерпретационного воздействия текста на личность читателя в качестве реципиента дискурса любого типа. В этом смысле предлагается расширить задачи современной текстологии, которую следует назвать научной дисциплиной о принципах создания, а на следующих этапах научной парадигматики, наукой о креативных механизмах интерпретации текстового пространства.

Языковая система как уровневый феномен функциональных взаимодействий продолжает оставаться центром внимания лингвистов различных школ и

направлений. Актуальным объектом изучения остаются межуровневые структуры, выходящие за пределы предложения, к ним относятся сверхфразовые единства вплоть до целого текста или произведения [10; 12].

Параметры *связного* текста, в противоположность высказыванию, являющемуся *элементарным* речевым действием, соотносятся с некоторой последовательностью высказываний и «цементирующими» свойствами общей мысли. Согласно концепции Е.А. Реферовской текст является сложной иерархически организованной системой, с подчинением каждого отдельно взятого высказывания более крупной речевой единице (сверхфразовое единство, абзац, раздел и пр.). При этом каждая иерархически вышестоящая единица

непосредственным образом коррелирует с текстом как целым [9, с. 5].

В этом смысле уместно начать с уровней понимания текста, которые играют существенную роль в текстологии и шире – в традиционных лингвистических концепциях текстового пространства. Речь идёт как минимум о двух уровнях:

1. Языковом (первичном кодовом), в известном смысле буквальном и поверхностном значении текста, которое выводится из набора значений языковых единиц, составляющих конечный текстовый продукт. Здесь могут учитываться формально организованные языковые факты, как сегментные, так и суперсегментные.

2. Неязыковом (глубинном, ситуационном, вторичном кодовом) значении текста, иными словами смысловом содержании, вложенном автором и извлекаемом из текстового продукта посредством интерпретационной методики и когнитивной категоризации [11; 22].

Именно текстовое пространство предоставляет адекватное поле для осуществления наиболее всестороннего анализа языковых событий, которые могут реализоваться как на уровне отдельного высказывания, так и абзаца, и целого произведения. При этом нельзя сбрасывать со счетов качественные и количественные «размеры» текста, смысловую достаточность и избыточность.

Следует напомнить о том, что в силу своей комплексности теория текста складывается на базе интеграционных процессов с иными родственными дисциплинами: текстологией, лингвистикой текста, прагматикой, герменевтикой, поэтикой и др. Вместе с тем можно говорить об особом гносеологическом статусе данной дисциплины [4].

Различные подходы к исследованию текстов любого типа должны учитывать жанровую обусловленность создания текстового продукта, которая с необходимостью обуславливает авторский выбор средств реализации смысловой базы

высказывания. При этом идиолектная специфика текстовых формулировок и форматов представляет чрезвычайно важную для лингвосомиотического исследования любого текстового продукта.

Двойственная природа языкового знака лежит в основе филологического декодирования глубинного смысла высказывания-текста. Смысл и формальное его воплощение могут коррелировать в одном и том же тексте, а также выходить за его пределы, ассоциируясь с другими знаками или более крупными компонентами (семантически или формально), благодаря бинарности языкового знака, как на уровне смыслопорождения, так и на уровне лингвосомиотического декодирования [12].

Процесс декодирования обычно касается содержательных структур текста, а также авторского отношения к тому, что автор сообщает, намерения автора. Любое человеческое самовыражение может быть обнаружено в тексте, как на сознательном (управляемом), так и на бессознательном (неуправляемом) уровне. В любом случае речь идёт об объективных феноменах восприятия, через призму которых «тело» текста воздействует на реципиента текстового послания [31].

В любом тексте могут быть выявлено определённое (неопределённое) количество прослоек его организации. Речь идёт как об общих правилах текстовой когерентности, так и об уникальности дешифруемых смысловых структур (художественный текст). Академик Виктор Владимирович Виноградов считает, что художественный текст, в качестве своих своеобразных свойств «воспроизводит» действительность на базе системы связей и словесных соотношений, в русле композиции текста, состоящей из разноструктурных элементов разного объёма [2]. При этом тексты могут включать в себя другие тексты, отсылающие к текстам-дискурсам различной природы, не только литературной, ассоциативные корреляции и комбинации с которыми

генерируют дополнительные смыслы (текстовая диалогичность), обогащая, но и иногда и затрудняя восприятие произведения (текст в тексте, интертекст, прецедентный текст). Речь идёт о феномене «интертекстуальность», характерном для современных постмодернистских произведений, которые эксплицитно или имплицитно отсылают к иным креативным сущностям.

Текстовый продукт в качестве целостно оформленного феномена предстаёт как перманентно меняющаяся семиотическая система, в рамках которой ряд учёных выделяют следующие пласты содержательных форматов высказывания:

1. **Эксплицит** – непосредственная манифестация семантики текстового знака при помощи словарного значения языковых единиц его составляющих.

2. **Имплицит** – подтекстовый формат текстового пространства в русле вторичной семантики языковых знаков, извлекаемой из высказывания.

3. **Актуалитет** – ключевая часть контента высказывания, наиболее важная, центральная, в большинстве своём определяемая экстралингвистическими факторами, когнитивно-рациональная ось, типологическая «легитимность» существования высказывания-текста.

4. **Интегралитет** – совокупная величина значения и эвентуального (потенциального) подтекста. Глобальный качественно-количественный параметр текста, который трактуется как единый знаково-символический комплекс с учётом результатов статистической выборки единиц текста. Данный уровень отсылает к системной корреляции (взаимодействию и взаимосвязи) содержания, структуры, лингвистической формы и коммуникативной функции текста [5; 31].

Смысловая составляющая текста актуализируется в рамках семантики языковых единиц и обусловлена контекстом, без изучения которого не может обойтись текстологический анализ, особенно на уровне актуалитета и

интегралитета. С точки зрения онтологии текстового функционирования контекст выступает одним из инструментов лингвосемиотической обработки исходной информации.

Контекстные исследования имеют относительно давнюю историю и отражаются в работах различных лингвистических школ [7; 1; 32; 22; 10; 7]. Большинство учёных сходятся на мысли о том, что значение слова, функционируя в частности художественном дискурсе, обусловлено речевым контекстным окружением, слово эстетически значимо, именно в контексте происходит устранение языковой полисемии. Контекстология, как и любая наука отличается разнообразием подходов к изучению контекста, что часто отражается в относительной противоречивости терминологического корпуса. Базовым элементом типологического анализа контекста для вышеприведённых лингвистов выступает его объём, что проявляется в терминах «словосочетание», «метафорическая группа» и «сверхконтекст».

Б.А. Ларин рассматривает контекстную проблематику с точки зрения выявления эстетико-семантического потенциала слова. Лингвист пишет о комбинаторных приращениях смысла, образующихся не только в пределах одного высказывания (фразы), но и в рамках текстовых периодов, например в пределах одной главы. При этом могут обнаруживаться специфические оттенки смысла, которые возникают из тотального текста произведения [8].

Г.В. Колшанский выделяет категории микротекста, макротекста и ситуационного контекста, причём первый соотносится с предложением, второй – с абзацем, третий – с главой или целым произведением [6]. Работы ряда исследователей опираются на функциональные параметры контекста [14; 26; 28].

А.П. Седых вводит в научный обиход понятие «метафоро-метонимический контекст» и развивает идею о механизмах

тропной обусловленности формирования вторичных номинаций [10]. Учёный подчёркивает, что относительная двусмысленность языковых номинантов снимается контекстом, так как в любом случае данное явление генерируется кодовой природой знака, и этим же кодом и этим же кодом может быть устранена.

Профессор Жорж Клейбер пишет о декодировании фразового единства, которое осуществляется с учётом контекста и на основе контекстуальной информации, не только лингвистической, но и включающей совокупность общих знаний о мире. Учёный также отмечает, что речь также может идти о многоуровневых типах контекста, среди которых фигурирует «сквозной контекст», обеспечивающий «семантическое взаимодействие языковых единиц на фоне их позиционной многозначности». Лингвист упоминает о глубинном смысле высказывания, который может вступать в противоречие с его лексическим значением. Иначе говоря, адекватная интерпретация не всегда с необходимостью базируется только на ключевых (центральных) элементах значения. Данный факт требует анализировать все компоненты дополнительных слоёв информации, учитывая разнообразные типы контекстного окружения [22; 12].

Напомним, что в практике филологических исследований разграничивают различные виды контекста:

1. Минимальный (словосочетание, отражающее грамматические связи лексической единицы).
2. Развёрнутый (предложение; высказывание).
3. Расширенный (сверхфразовые единства, строфы, абзацы, текстовые фрагменты, опорные эпизоды, типичные речевые структуры).
4. Максимальный (художественное произведение в полном объёме).
5. Сверхконтекст (совокупное творчество автора) [34; 18].

Вышеуказанная информация приводит к необходимости учитывать дополнительные значения языковых единиц, которые появляются благодаря суггестивному процессу восприятия текстов, что связано с механизмами мировоззренческих представлений и контекстуальными компетенциями читателя. В этом плане британский лингвист Дэвид Купер подчёркивает потенциальную ассоциативность контекстной семантики, в частности он пишет об ассоциациях, «возбуждаемых» языковыми единицами, которые совпадают с представлениями индивида, если последний обладает соответствующими компетенциями в знании лексического и синтаксического состава воспринимаемого текста. Речь идёт о «сверхконтекстуальных» значениях слова. Учёный трактует феномен контекста, который, по его мнению, не базируется на чисто языковом окружении, а формирует вторичные смысловые наслоения именно на основе индивидуального опыта читателя, а не только языковой системы [17].

Подобная мысль может трактоваться как синтез смыслопорождения и экстралингвистических данных в текстовом пространстве, где многозначность и номинация вступают в своеобразные отношения, «легитимизируя» тем самым их сосуществование на уровне знака-лексемы или предложения-высказывания. Здесь можно говорить о полисемии лексики как о совмещении ряда значений в одной форме, иными словами о плюрализме смысловой интерпретации в контекстных условиях. Современная лингвистика уделяет особое внимание проблематике интерпретаций текста и формирования дополнительных смысловых парадигм, что связано с поисками внутри и экстралингвистических факторов на уровне дейктики, просодики, семантических взаимодействий частей текста, имплицативных и пресуппозитивных структур, включая иллюкутивные параметры и прагматические факторы.

В текстологическом анализе следует мы с необходимостью учитывать два глобальных вида контекстов: внутри лингвистический и экстралингвистический. Данную мысль подчёркивает классик контекстологии Джон Руперт Ферс, который говорит о том, что коммуникативный процесс не ограничивается искусственной изолированностью единиц языка, а «работает» на уровне текста, который трактуется как относительно законченный отрезок коммуникации. При этом для уточнения значения лексемы необходим учёт всего разнообразия контекстов, где встречается анализируемая языковая единица [20, с. 1-32].

Анна Анфилофьевна Уфимцева, говоря о системном семантическом контексте, который реализует одно из значений полисемантического слова, подчёркивает его неоднородность. Учёный выделяет следующие компоненты контекста данного типа:

1. Семантически реализуемое слово.
2. Лексически сочетающееся, так называемое «ключевое слово».
3. Модель лексической сочетаемости [13, с. 221].

В теоретическом плане контекст соотносится (часто совпадает) с конкретным фрагментом коммуникации. Данный фрагмент реализуется в рамках длительного и не всегда завершённого процесса, который поддаётся текстологической обработке с целью его расчленения на отрезки минимального контекста, который служит главной цели – реализации коммуникации. Отдельные значения слов и предложения могут трактоваться как периферийные феномены лексической системы, хотя именно на них базируется первичный лингвистический анализ высказывания.

Следует напомнить, что текст и контекст относятся к основным категориям языка, например в плане манифестаций стилистического разнообразия. К главным функциям текста для семантизирования

контекстного значения слов можно отнести:

1. Однозначное употребление слова. Пояснительная функция текста, которая осуществляется в пространстве пре- и пост-текста. Данная функция закладывает основы для постижения смысла отдельных выражений, а также относительно законченных участков текста.

2. Усечённое (эллиптическое) словесное значение (или словарный смысл), на уровне части законченного текстового продукта. В информатике существует эквивалент данной функции, обозначаемой термином «двоичная экспоненциальная выдержка», значение которого указывает на отсылки повторяющихся блоков одной и той же информации. Данный алгоритм может быть применён к любой типологии текстового функционирования и смыслопорождения.

3. Общий смысловой контент текста, который задаётся пропозитивными структурами высказывания, а именно абстрактными схемами смыслоформирования. Речь идёт о специфике и типах пропозитивного значения. Иными словами той части семантической структуры, способной соединиться с модусом целеполагания текстового продукта, связанного с его коммуникативными задачами.

Являясь частью единой системы, текстовые и контекстные структуры взаимосвязаны сложной цепью взаимосопоставлений и оппозиций, снабжающих их добавочными смыслами не на уровне нейтральных значений, а играющими важную роль для актуализации смыслов высказывания. Пропозиционально-контекстуальное влияние на формирование семантической структуры высказывания осуществляет глобальную смыслоформирующую функцию, но не только, данное воздействие мотивирует семантику каждой входящей в него языковых единиц [25].

Контекст играет ключевую роль для формирования семантического диапазона языковых единиц. Начало контекстуальной

реализации смысла высказывания совпадает с моментом формирования фразы. В этом смысле весь контекст будущего предложения обуславливает выбор конкретных языковых единиц, так как данный выбор коррелирует с интенцией говорящего. Контекст в этом смысле представляет собой некоторое ситуационное значение текста или его фрагмента, его глубинное значение, стоящее за языковой формой. Контекстное текстопорождение есть, таким образом, как бы второй уровень знания языка, ориентированный на знание внеязыковых факторов, реалий и т.д., компетенция второго уровня [29]. Имеется в виду знание ситуационных условий выбора и употребления языковых единиц.

В процессе исследования номинативного аспекта лексической и грамматической структуры высказывания и семантических законов комбинации словесных значений Владимир Григорьевич Гак говорит о разработке проблематики семантического синтеза и поднимает вопрос, направленный на изучение законов сочетаемости на двух уровнях – лексическом и семантическом, причем подчёркивает зависимость номинации от иных номинаций окружения. Лингвист приходит к выводу о том, что при построении предложения выбору того слова, которое реализует свое контекстуальное значение, предшествует выбор слова, выполняющего роль опорного наименования [3].

В составе композиционно-речевых структур значение слова подчинено его «субъективной» грамматике [33; 19], поэтому лексическое наполнение синтаксической модели зависит от намерения автора обозначить нечто в мире как своего рода «атомарный факт», по выражению Л. Витгенштейна [35]. Возникает двойственность семантики слов, которые обслуживают формирование пропозитивного значения, отображая соположение элементов номинативного аспекта предложения, относительно

которого и осмысливается контекстуальное значение слов и их синтаксических связей.

Семантические единицы, находясь в связи с другими единицами, раскрывают свои значения опосредованно, то есть благодаря вышеупомянутым связям. Опосредованностью, однако, не исчерпываются значения этих единиц в сообщении, поскольку наличествуют как минимум две категории: то, о чем сообщается, и то, что сообщается или как сообщается (имеется в виду способ актуализации высказывания). В этом плане можно говорить о совпадении объёмов значения «коммуникации» и «контекста», опираясь на дискретность (одновременность) самого коммуникативного, так и контекстуального феномена.

Следует отметить, что коммуникативный аспект контекста используется в качестве одного из положений при анализе текстовых метафоро-метонимических построений в системе отношений: автор (текст) – читатель – культурный контекст (интертекст). Естественно, такие отношения выявляются при анализе специфической семантико-смысловой структуры художественного текста.

Обычный метафорический контекст создается с помощью «указательного минимума» (термин Н.Н. Амосовой), указательного слова или слова, достаточного для понимания метафорического значения другого слова в тексте. Такая смысловая обусловленность представляется двусловным сочетанием, которое является основной грамматической структурой для метафорического преобразования того или иного слова. В случае, когда минимальный (бинарный) контекст оказывается недостаточным для выявления метафорического значения слова, возникает необходимость использования более широкого контекста, который может содержать описание ситуации, синонимы, слова, связанные с прямым наименованием реалий, обозначенной с помощью метафоры.

При изучении индивидуальных особенностей образования и функционирования метафоро-метонимических конструкций, следует учитывать семантические отношения наименований на уровне высказываний, выходящих за пределы бинарного и более широкого контекстов.

С точки зрения одного из основных положений современного языкознания, язык представляет собой систему с вертикальной и горизонтальной иерархией всех звеньев, но эта система является не жестким, а вероятностным образованием. Соответственно такими же оказываются и семантические связи, проистекающие из характера лексического или грамматического значения языковой единицы и в нашем случае контекстуального ее обрамления.

Следует отметить, что входящие в каждый коммуникативный фрагмент слова и сочетания, достаточно самостоятельны с точки зрения лексических и грамматических отношений. Нет никакой опасности растворить субстанциональные элементы контекстной структуры и лишить их номинативной самостоятельности, а также одновременно и взаимосвязи с другими такими же самостоятельными элементами [16].

Линейное сцепление языковых единиц не может служить единственным источником формирования семантико-смыслового контура текста. Центральным фактором здесь выступает коммуникативный отрезок, который каждый раз «задаёт» предпосылки для семантических построений. Контекст, как правило, чётко фиксирует значения слов (денотат и прямую нейтральную позицию). Коннотативная сфера значений не поддаётся воздействию прямых интерпретационных механизмов. Явление коннотации и сам термин широко толкуется лингвистами. Мы придерживаемся мнения о том, что коннотативным значением можно назвать любое субъективное смысловое наложение на денотативное содержание языковой единицы, связанное с экспрессивностью

или интенсификацией конкретного оттенка значения, грамматической образностью (метафоро-метонимичностью), эмоциональным эффектом и пр. Иными словами, вторичная функция наименования расширяет диапазон значений языкового знака за счёт «включения» ассоциативно-образных представлений об обозначаемом объекте. Для того чтобы адекватно осознать новые признаки значения, необходимо их соотнести с внутренней формой слова, которая служит базовым способом мотивации тропных построений или фигур речи.

В структуре коннотации ассоциативно-образный элемент представляет основание для стилистической маркированности языковой единицы, связывая ее денотативное и коннотативное содержание. Коннотативные ассоциации всегда самым тесным образом связаны с контекстом, в котором они формируются в русле вторичной номинации, внося в именные позиции атрибутивные и оценочные значения. Контекстное пространство является базовым для коннотативной интерпретации элементов текста и способов образования вторичной номинации.

По нашему мнению контекст не должен всегда рассматриваться в качестве единственного источника порождения или преобразования значения языковых единиц. Данное правило касается лишь типизированных контекстов, встречающихся в речевом употреблении и увязанных с типичными ситуациями для слова и высказывания. Существуют еще и индивидуальные контексты, которые имеют оригинальное содержание и довольно свободные границы и выходят за рамки типовых. Индивидуальные контексты могут быть описаны как пример использования многозначных ситуаций в авторской речи. Если первый вид контекстов свойственен так называемому общему языку, то второй вид является характеристикой языка художественной литературы.

Под термином «индивидуальный художественный контекст» понимается фрагмент литературно-художественного текста, представляющий собой динамическую систему языкового функционирования, которая складывается из всей совокупности синтагматических и парадигматических отношений между субстанциональными единицами в их конкретном проявлении в рамках семантико-смысловой структуры высказываний. С одной стороны, этот тип контекста рассматривается как предварительное условие содержательной интерпретации языковых единиц, с другой стороны, он выступает основой анализа речевых высказываний.

«Индивидуальный художественный контекст», далее в работе художественный контекст, связан с определенной моделью текстуального развертывания, которая может быть выделена в результате глобального функционально-лингвистического анализа текста произведения. Подобная модель представляет собой базовую логико-синтаксическую структуру, организующую и направляющую интеллектуально-эстетическое восприятие читателя. Иными словами, контекст предопределяет вместе со смысловой установкой (коммуникативным заданием) семантический строй высказываний, входящих в данный фрагмент текста. Здесь речь идёт о «пропозициональных установках» текстового хронотопа [10].

Можно выделить следующие признаки индивидуального художественного контекста:

1. *Нереферентность* высказываний, когда описываемые ситуации не имеют референтов в объективной действительности.

2. Наличие *подтекста*, когда параметры высказывания не согласуются с данными о коммуникативной ситуации, которыми располагает адресат сообщения.

3. *Метафоричность* изложения. Речь идет о разного типа речевых аномалиях (включая в это понятие традиционно выделяемые тропы и фигуры), которые

выступают катализаторами подтекста, поскольку буквально прочитанное эксплицитное содержание высказываний, представляется реципиенту недостаточным, неуместным или абсурдным [21; 5].

К дополнительным признакам можно отнести неравномерность в передаче фабульного времени, когда время и его событийное наполнение либо сокращено или опущено, либо расчленено на отдельные составляющие. Контекстное пространство редуцируется или расширяется, что объясняется, прежде всего, различной насыщенностью разных временных промежутков жизни героев событиями, важными с точки зрения интриги или основного конфликта.

Важную роль в формировании данного типа контекста играют авторские интенции, которые выявляются в рамках функционально-коммуникативного анализа текста. Характерно, что на страницах произведения часто встречаются декларации об эстетических воззрениях автора по поводу техники создания художественного текста. Подобные метатекстовые вкрапления помогают глубже понять базовую структуру развития авторских образных построений и выявить конкретные лингвистические средства создания художественного контекста.

Интертекст есть основной вид и способ построения художественного текста и дискурса в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что в тексте используются цитаты и реминисценции, отсылающие к другим текстам.

В нашей работе используется трактовка термина «интертекст» Ю. Кристевой, рассматривающей «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма получателя (или персонажа), и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом». Процедуру

возникновения интертекста Юлия Кристева называет «чтением-письмом»: «интертекст пишется в процессе считывания чужих дискурсов и поэтому «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [23, с. 144-145].

«Интертекст» есть семиотическое пространство, не выходящее за пределы семантики текста рассматриваемого произведения, но коррелирующее с культурологическим аспектом этого термина. О влиянии интертекста на смысл произведения указывает ряд учёных, которые отмечают, что часто интертекстовые вкрапления используются в форме самоцитирования на уровне предметно-пропозитивных субструктур [15; 30].

Так, интертекстовые построения ряда произведений авторов (Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Алан Роб-Грийе и др.), относящихся к направлению модернизма, используются в форме реминисценций и отсылок к творчеству мировой литературы и искусства, строя композиционно-речевые структуры, например на базе анафорических повторов. Иными словами, интертекстовое пространство образуется путем самоцитирования на уровне предметно-пропозитивных субструктур.

Цитаты в этом плане не являются простыми векторами любых дополнительных данных, дело в том, что они, воздействуя на содержательный компонент составляющей его единицы, способствуют самовозрастанию смыслового диапазона текста. Особый тип повествования переносит центр тяжести перцепции на внутреннюю корреляцию лексических и смысловых компонентов, подчиняет восприятие фрагментарно-ассоциативным механизмам репрезентации языкового сознания. Главным фактором здесь выступает акт текстовой коммуникации, так как ассоциативные вкрапления возникают в семантической структуре языкового знака лишь после его

коммуникативного «включения» именно в рамках текстового смыслопорождающего синтезирования. Слова не просто объединяются в семиотическую процедуру означивания, а охватывают корреляцию знаков не только с внешней реальностью, но с авторскими связями с предметом мысли. Предложение-высказывание – это не просто синтаксическая структура (модель), но и через номинативные, модальные и логико-коммуникативные отношения, текстовое семиотическое событие.

Знаковые отношения в языке актуализируются динамически, то есть потенциально «изменчивы», причём речь идёт не только о структуре самих отношений, но и об объёме знака и модификациях функций называния. Говоря об изменениях границ знака в момент актуализации, надо сказать о семиотическом акте, то есть об установлении относительной адекватности языковой формы и сегмента обозначаемой сущности. В этой связи обозначим ряд изменений, которые претерпевает слова в рамках высказывания: семантическая трансформация, сдвиг (дрейф) значения, семантическая нейтрализация, десемантизация и пр. В этом плане интертекстуальный компонент выступает как дополнительный механизм смыслопорождения («означивания», термин Ю. Кристевой) [24]. Иначе говоря, выступая одним из операционных фактором номинации, интертекст выполняет экстралингвистические текстопорождающие функции.

Таким образом, **текст**, **контекст** и **интертекст** являются важнейшими элементами коммуникативного смыслопорождения вне зависимости от типа текста, но при этом художественный дискурс выступает почти идеальным феноменом синтеза смыслов, как в процессе создания текста, так и в рамках его анализа. В любом случае речь идёт о многоуровневой организации семантики элементов, где контекст выступает в качестве ситуационного значения текста, а

интертекст – дополнительным смыслопорождающим устройством. Три текстологические категории диалектически взаимодействуют друг с другом, так как процесс актуализации смысла (смыслопорождения) является дискретным феноменом, и в этом смысле контекст может трактоваться как ключевой элемент интерпретации композиционно-речевой структуры текста. Категорию «контекст» можно рассматривать в широком формате, включая сюда и интертекстовый «контекст», который не может быть адекватно воспринят без высокой контекстной (интертекстовой) компетенции субъекта восприятия.

Особое место в акте семиозиса занимает литературно-художественный дискурс, который выстраивает специфические отношения в системе автор↔читатель↔культурный интертекст. Художественный текст обладает многоплановостью и многоуровневым принципом семантико-смысловой структуры, коррелируя с коммуникативно-эстетической компетенцией реципиента, активизируя второй (третий, четвёртый и т.д.) уровень креативного потенциала читателя. На определённом этапе интерпретация художественного текстового продукта само восприятие-толкование становится важнее, чем сам авторский текст. Читатель синтезирует новые пространства семантико-эстетического единства текста, на базе контекстуального и, более того, интертекстуального хронотопа совместной с исходным текстом креации. Читатель становится «соавтором» воспринимаемого произведения. Явление соавторства выступает одним из стержней коммуникативного смыслопорождения современной эпохи читательского когнитивного ассонанса.

Чаще всего речь может идти об особом способе вторичной номинации, когда под воздействием контекстной среды семантические конфигурации языкового знака модифицируются в русле функционирования логико-когнитивной схемы тропных конструкций. Изначальная

семантика слова относится к зафиксированному словарями пласту семантики, а в процессе контекстного функционирования происходит комбинирование семами, от частичной замены, вплоть до полной трансформации сем. При определённых контекстных (интертекстовых) условиях слова приобретают новые семантические признаки, так как содержание означаемого (иногда при посредстве означающего) модифицируется благодаря суггестивно-оценочному процессу в сознании субъекта восприятия текста. В этом плане можно говорить об индивидуальном функционировании языка и смыслопорождении, когда динамическое взаимодействие (синтезирующее развитие) речевых корреляций в дискурсном строе обеспечивает семиотическую когерентность текста.

Следует добавить, что для адекватного анализа семантической структуры наименования требуется именно текстовый уровень, так как контекстная динамика языковых единств должно исследоваться на всех уровнях функционирования дискурсных пластов языкового события, а процессы смыслоформирования не могут быть изучены без обращения к вышележащим / нижележащим слоям иерархической системы текста.

Итак, динамика изменения значения в текстовом хронотопе обусловлена дополнительными смыслами, которыми «обрастает» высказывание, а также при определённых условиях – интертекстовыми коннотациями, актуализируемыми благодаря общеязыковым законам смыслопорождения. Почти сразу за появлением термина «интертекст» в широкий научный обиход входит понятие «гипертекст» [27], которое на первых порах имеет отношение к информатике, и обозначает виртуальную текстовую реальность, существующую скорее на экране компьютера. Надо сказать, что данное понятие уже используется в современных исследованиях поэтического языка, где оно обозначает некую память

текста (в терминологии Ю.М. Лотмана «сумма контекстов»), нелинейное образование (представление) информации. Речь идёт о виртуальном текстовом пространстве, снабжённом детерминированными точками корреляции с другими текстами. Иначе говоря, гипертекст есть текст, фрагменты которого связаны с внешними текстовыми структурами. Именно гипертекстовые исследования представляют собой один из векторов дальнейших продуктивных изысканий в текстологии смыслопорождения.

Список литературы

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Просвещение, 1963. 208 с.
2. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. 247с.
3. Гак, В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
4. Дехнич, О.В., Гальцев, О.В. Translating metaphors in literary discourse // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, Выпуск 1, 2015. С. 57-62.
5. Долинин, К.А. Интерпретация текста. Французский язык: учебное пособие. М.: КомКнига, 2010. 304 с.
6. Колшанский, Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания. №4. 1959.
7. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
8. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя. М.: Худ. лит. 1973. 288 с.
9. Реферовская, Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л.: Наука, 1983. 215с.
10. Седых, А.П. Контекст. Знак. Образ (на материале произведений М. Пруста). Белгород: Изд-во БГУ, 1998. 160 с.
11. Седых, А.П. Коммуникативный портрет Николя Саркози // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 49-53.
12. Седых, А.П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В.В. Путина и А. Меркель) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). С.57-68.
13. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 271 с.
14. Adam, J-M. La linguistique textuelle. P.: A. Colin, 2011.
15. Audet, R. Écrire numérique: du texte littéraire entendu comme processus // Itinéraires [En ligne], 2014-1 | 2015, mis en ligne le 04 février 2015, consulté le 10 septembre 2018. URL: <http://journals.openedition.org/itineraires/2267>.
16. Biasi, (de) P-M. Le Manuscrit cannibale. Biographie, intertextualité, genèse // La question de l'intime. Génétique et biographie. P.: Daniel Delas, PULIM, collection «L'un et l'autre en français », 2018.
17. Cooper, D.E. Philosophy and the nature of language. London, 1973. 222 p.
18. Delphine, D. Philologie et sciences des textes. Le paradigme historique // La littérature des belles-lettres. Un défi pour les sciences du texte. P.: Classiques Garnier, 2013. P. 255-267.
19. Eco, U. Dire presque la même chose. P.: Grasset et Fasquelle, 2006.
20. Firth, J.R. A synopsis of linguistic theory. Studies in linguistic analysis. Oxford, 1957.
21. Guillaume, G., Leçons de linguistique de -. 1941-1942, Série B. Théorie du mot et typologie linguistique. Limitation et construction du mot à travers les langues, 17. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2005. 498 p.
22. Kleiber, G. (Georges) Contexte, interprétation et mémoire: approche standard vs approche cognitive. P.: Langue française, 1994. P. 9-22.
23. Kristeva, J. Narration et transformation // Semiotica. The Hague, № 4, 1969. P. 422-448.
24. Kristeva, J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
25. Maingueneau, D. Les phrases sans texte. P.: A. Colin, 2012.
26. Mayaffre, D. Les corpus réflexifs : entre architextualité et hypertextualité // Corpus n° 1, novembre 2002, en ligne [<http://corpus.revues.org/document11.html>], consulté le 10 septembre 2018.
27. Nielsen, J. Multimedia and Hypertext: The Internet and Beyond. – San Francisco: Morgan Kaufmann, 1995. – 480 p.

28. Plassard, F. Intertextualité et technologies de l'information et de la communication: principe et mise en œuvre // Les Cahiers du GEPE, Approche critique et traductologique. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2010.

29. Rastier, F. Arts et sciences du texte. P.: PUF, 2001a.

30. Rastier, F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009. 304 p.

31. Sedykh, A.P., Pruvost, J. Lexiculture et dictionnaires: décalages culturels // Лексикография и коммуникация – 2016: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 21–22 апреля 2016 г.) / под ред. А.П. Седых. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 8-12. (РИНЦ)

32. Todorov, Tzvetan, Les genres du discours. P.: Seuil, 1978.

33. Todorov, Tzvetan, Mikail Bakhtine, le principe dialogique. P.: Seuil, 1981.

34. Wagner, F. Intertextualité et théorie // Cahiers de Narratologie [En ligne], 13 | 2006, mis en ligne le 01 septembre 2006, consulté le 10 septembre 2018. URL: <http://journals.openedition.org/narratologie/364>

35. Wittgenstein, L. Tractatus Logico-Philosophicus. London: Routledge Classics, 2001. 142 p.

References

1. Amosova, N. N. (1963), *Osnovy angliyskoy frazeologii* [Fundamentals of English phraseology], Prosveshhenie, Leningrad, USSR. [in Russian].

2. Vinogradov, V. V. (1981), *Problemy russkoy stilistiki* [Problems of Russian Stylistics], Moscow, USSR. [in Russian].

3. Gak, V. G. (1998), *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations], Shkola «Yazyki russkoy kultury», Moscow, Russia. [in Russian].

4. Dekhnich, O. V. and Galtsev, O. V. (2015), *Translating metaphors in literary discourse* // Nauchnyj rezultat. Seriya: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki, 1, 57-62. [in Russian].

5. Dolinin, K. A. (2010), *Interpretatsiya teksta. Frantsuzskiy yazyk: uchebnoe posobie* [Interpreting the text. The French language: a tutorial], KomKniga, Moscow, Russia. [in Russian].

6. Kolshanskiy, G. V. (1959), *O prirode konteksta* [About the nature of the context], Voprosy yazykoznaviya, 4, Moscow, USSR. [in Russian].

7. Komarova, Z. I. (2012), *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: uchebnoe posobie* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics: a tutorial], Izd-vo UrFU, Ekaterinburg, Russia. [in Russian].

8. Larin, B. A. (1973), *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and language of the writer], KHud. lit., Moscow, USSR. [in Russian].

9. Referovskaya, E. A. (1983), *Lingvisticheskie issledovaniya struktury teksta* [Linguistic research of text structure], Nauka, Leningrad, USSR. [in Russian].

10. Sedykh, A. P. (1998), *Kontext. Znak. Obraz* [Context. Sign. Form], BGU, Belgorod, Russia. [in Russian].

11. Sedykh, A. P. (2011), *Kommunikativniy portret Nikolya Sarkozi* [Communicative portrait of Nicolas Sarkozy], Politicheskaya lingvistika, GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», № 2, Ekaterinburg, Russia, 49-53. [in Russian].

12. Sedykh, A. P. (2012), *Ideologicheskie ehlementy frazeologii politicheskogo rukovoditelya (na materiale diskursa V.V. Putina i A. Merkel)* [The ideological elements of the phraseology of the political leader (based on the discourse of VV Putin and A. Merkel)], Politicheskaya lingvistika, GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», Vyp. 1(39), Ekaterinburg, Russia, 57-68. [in Russian].

13. Ufimtseva, A. A. (1968), *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [The word in the lexical-semantic system of language], Nauka, Moscow, USSR. [in Russian].

14. Adam, J-M. (2011), *La linguistique textuelle*, A. Colin, Paris, France. [in French].

15. Audet, R. (2015), *Écrire numérique: du texte littéraire entendu comme processus* // Itinéraires [En ligne], mis en ligne le 04 février 2015, consulté le 10 septembre 2018, available at: <http://journals.openedition.org/itineraires/2267> (accessed 15 August 2018). [in French].

16. Biasi, (de) P-M. (2018), *Le Manuscrit cannibale. Biographie, intertextualité, genèse* // La question de l'intime. Génétique et biographie, Daniel Delas, PULIM, collection «L'un et l'autre en français», Paris, France. [in French].

17. Cooper, D. E. (1973), *Philosophy and the nature of language*, London, UK. [in English].
18. Delphine, D. (2013), *Philologie et sciences des textes. Le paradigme historique // La littérature des belles-lettres. Un défi pour les sciences du texte*. Classiques Garnier, Paris, France, 255-267. [in French].
19. Eco, U. (2006), *Dire presque la même chose*, Grasset et Fasquelle, Paris, France. [in French].
20. Firth, J. R. (1957), *A synopsis of linguistic theory. Studies in linguistic analysis*, Oxford, UK. [in English].
21. Guillaume, G. (2005), *Leçons de linguistique de –. 1941-1942, Série B. Théorie du mot et typologie linguistique. Limitation et construction du mot à travers les langues*, 17, Les Presses de l'Université Laval, Québec, Canada. [in French].
22. Kleiber, G. (1994), *Contexte, interprétation et mémoire: approche standard vs approche cognitive*, Langue française, Paris, France, 9-22. [in French].
23. Kristeva, J. (1969), *Narration et transformation*, Semiotica. № 4, The Hague, 422-448. [in French].
24. Kristeva, J. (2000), *Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire*, Folio Essais, Paris, France. [in French].
25. Maingueneau, D. (2012), *Les phrases sans texte*, A. Colin, Paris, France. [in French].
26. Mayaffre, D. (2002), *Les corpus réflexifs : entre architextualité et hypertextualité*, Corpus n° 1, novembre 2002, en ligne [<http://corpus.revues.org/document11.html>], consulté le 10 septembre 2018. [in French].
27. Nielsen, J. (1995), *Multimedia and Hypertext: The Internet and Beyond*, Morgan Kaufmann, San Francisco, USA. [in English].
28. Plassard, F. (2010), *Intertextualité et technologies de l'information et de la communication: principe et mise en œuvre*, Les Cahiers du GEPE, Approche critique et traductologique, Presses universitaires de Strasbourg, Strasbourg. [in French].
29. Rastier, F. (2001a), *Arts et sciences du texte*, PUF, Paris, France.
30. Rastier, F. (2009), *Sémantique interprétative*, Presses Universitaires de France, Paris, France. [in French].
31. Sedykh, A. P. and Pruvost, J. (2016), *Lexiculture et dictionnaires: décalages culturels*, Leksikografija i komunikacija – 2016: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Belgorod, 21–22 aprelja 2016 g.) / pod red. A.P. Sedykh. – ID «Belgorod» NIU «BelGU», Belgorod, Russia, 8-12. [in French].
32. Todorov, Tz. (1978), *Les genres du discours*, Seuil, Paris, France. [in French].
33. Todorov, Tz. (1981), *Mikhaïl Bakhtine. Le principe dialogique*, Seuil, Paris, France. [in French].
34. Wagner, F. (2006), *Intertextualité et théorie // Cahiers de Narratologie* [En ligne], 13 | 2006, mis en ligne le 01 septembre 2006, consulté le 10 septembre 2018. URL: <http://journals.openedition.org/narratologie/364> [in French].
35. Wittgenstein, L. (2001), *Tractatus Logico-Philosophicus*, Routledge Classics, London, UK. [in English].
- Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.
- Прюво Жан**, доктор филологических наук, профессор, университет Сержи-Понтуаза (Франция).
- Jean Pruvost**, Doctor of Philology, Professor, University of Cergy-Pontoise (France).
- Седых Аркадий Петрович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).
- Arkady P. Sedykh**, Doctor of Philology, Professor, Head of German and French Department, Belgorod State National Research University.
- Бузинова Людмила Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Международный университет в Москве.
- Lyudmila M. Buzinova**, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, International University in Moscow.